

Великолепная
Даниэла
СТИЛ

DANIELLE STEEL
Remembrance

Даниэла
СТИЛ

ВОСПОМИНАНИЯ

Москва
2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
С80

Danielle Steel
REMEMBRANCE

Copyright © 1981 by Danielle Steel

Перевод с английского *Л. Ручкиной*
Художественное оформление *Д. Сазонова*

Стил, Даниэла.

С80 Воспоминания / Даниэла Стил ; [пер. с англ. Л. В. Ручкиной]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 544 с. — (Великолепная Даниэла Стил).

ISBN 978-5-699-83069-5

«Никогда не забывай, кто ты на самом деле», — с детства Сирина твердила бабушка, принцесса ди Сан-Тибальдо. Но что толку в титуле, когда ты никому не можешь о нем рассказать? После Второй мировой войны привычный мир рухнул. Сирина лишилась не только статуса, но и самого главного — семьи. Горделивая осанка и необычная красота, унаследованные от бабушки, — что принесут они девушке? Страдания или, наоборот, чудо великой любви — неистойвой, сметающей все преграды на пути к настоящему счастью?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-83069-5

© Ручкина Л., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

Тем, кто смотрит на мир широко раскрытыми глазами.
Посвящение, какого никогда не было прежде:
Мне, до конца моей жизни.
Со всей моей любовью, Оливия

Могила — всего лишь пустота. Тот, кого я люблю, живет в моих воспоминаниях, в вещах, хранящих его запах, в интонациях, которые внезапно всплывают в памяти, и я долго-долго вслушиваюсь в них, склонив голову...

... Какая горечь вначале — и как радостно обнаружить в один прекрасный весенний день, что ничто не изменилось: ни запах земли, ни журчание ручья, ни нежность свежих побегов на каштане...

... В удивлении склониться над крохотными чашечками диких анемонов, любоваться бесконечным ковром фиалок, гадая, какого же они оттенка — розовато-лилового или синего? Любоваться незабываемыми очертаниями гор, всем телом ловить, замирая от нерешительности, лучи восходящего солнца... и начать жить заново!

Колетт. «Возвращение из любви»

Глава 1

Поезд монотонно катился сквозь итальянскую темноту, колеса выстукивали ритмичную дробь по рельсам. Вагон был забит толстыми фермерами, полуголыми детьми, помятыми служащими и ордами американских солдат. В воздухе стоял удушливый, заплесневело-кисловатый запах, как в доме, в котором не убирали много лет; к нему примешивался запах невымытых потных тел. Но никто не решался открыть окно. Старухи, попади они под струю прохладного ночного воздуха, вмиг бы подняли крик и визг, как если бы на них напал насильник. Они восприняли бы сквозняк как оскорбление. Старых людей раздражало буквально все: жара, холод, усталость, голод. Несомненно, у них имелись все основания для раздражения. Эти люди измучились: они долго голодали, мерзли, страдали. Они пережили ад многолетней войны. И вот теперь эта война закончилась. Шел третий месяц мира — август 1945 года. Поезд, вторые сутки не останавливаясь, ехал вперед.

Сирина села на этот поезд в Париже и, не обменявшись ни с кем ни единым словом в течение всего пути, миновала Францию и Швейцарию, и вот теперь, наконец, ехала по Италии. Ее путешествие близилось к концу... Колеса выстукивали аккомпанемент ее мыслям. Сама она сидела, забившись в угол, закрыв глаза, прислонившись головой к оконному стеклу. Она устала... Господи, как же она устала! Каждый дюйм тела ныл, ныли даже руки. Сирина сжалась, словно от озноба, хотя на самом деле ей не было холодно. В вагоне стояла удушающая жара, ее белокурые волосы прилипли к вспотевшей шее. Поезд начал замедлять ход и спустя несколько мгновений оста-

новился. Некоторое время Сирина продолжала сидеть не шевелясь, не зная, найдет ли силы встать и выйти на перрон, хотя бы немного подышать свежим воздухом. Шел девятый день путешествия, а она все еще не добралась до дома.

Сирина постоянно думала о доме... Она с трудом сдержала радостный взглас, когда поезд пересек Альпы. Но это только начало. На самом деле, напомнила себе Сирина, медленно открывая глаза и жмурясь от света станционных фонарей, ее путешествие по-настоящему еще и не начиналось. И не начнется вплоть до завтрашнего утра, когда она, наконец, доберется до своей цели и все узнает...

Сирина сонно осмотрелась по сторонам, потягиваясь, вытянула длинные стройные ноги под сиденье напротив. Перед ней сидя спали две женщины: одна — очень худая, другая — чрезмерно толстая, между ними был зажат тощенький ребенок. Сирина безучастно смотрела на них. В ее глазах нельзя было ничего прочесть, они напоминали два изумрудно-зеленых озера, наполненных ледяной водой, удивительных по красоте, но почти лишенных теплоты. Однако что-то непонятное таилось в глубине глаз этой юной девушки. Они влекли к себе, словно призывая заглянуть в эту глубину и одновременно налагая запрет. Внутренний мир Сирины оставался загадкой. Ее точеное аристократическое лицо светилось, как белый мрамор, но это было лицо неприступной красавицы. Сирина старалась выглядеть высокомерной, тщательно скрывая свою нежность и ранимость.

— Извините, — мягко прошептала Сирина, пробираясь на цыпочках мимо спящих женщин и переступая через ноги старика. Иногда ей становилось не по себе от собственных мыслей, но она так устала от изможденных лиц пожилых людей! С момента своего приезда Сирина видела только стариков. Неужели кроме них никого не осталось? Везде одни старухи, старики да горстка детей, разглядывающих в окна солдат. Солдаты были единственными молодыми людьми, которые теперь встречались повсюду. Американцы, одетые в военную форму, с широкими улыбками, ровными зубами

и сияющими глазами. Сирину совершенно не волновало, на чьей стороне воевали эти солдаты. Они были частью происходившего, носили форму... А ее цвет не имел для нее никакого значения...

Почувствовав пристальные взгляды солдат, высыпавших вслед за ней на платформу, Сирина отвернулась. Но даже стоя к ним спиной, она чувствовала их присутствие: слышала, как они переговариваются между собой, смеются, негромко обмениваясь шутками в тишине поздней ночи, нарушаемой лишь скрежещущими металлическими звуками, издаваемыми поездом.

— Вы курите? — внезапно услышала Сирина совсем рядом.

Она отрицательно покачала головой и как-то сжалась, словно защищаясь от всего случившегося с ней раньше и от того, что окружало ее теперь. Юное прекрасное лицо отражало непосильное бремя тяжести и страдание.

Несмотря на изрядно поношенную, измятую одежду, она выглядела обворожительно. Белокурые волосы выбивались из-под темно-зеленого шарфа, повязанного на деревенский манер. Но это выглядело неубедительно. Сирина не была похожа на дочь крестьянина, что бы на себя ни надела. Ее манера держаться, походка сразу же выдавали ее. В облике девушки таилось нечто невыразимо прекрасное. Видеть ее в этой нелепой одежде казалось странным. Хотелось подойти к ней и спросить, почему она так одета и что делает в этом переполненном поезде, среди такого сброда. Хотелось задать и другие вопросы: откуда она едет, куда, почему у нее такой отсутствующий взгляд?

Сирина молча стояла на перроне в своем помятом ситцевом платье. Высокая, стройная, юная и... такая одинокая.

Взглянув на глубокие складки, образовавшиеся на дешевой ткани юбки, девушка попыталась разгладить их изящной рукой и вдруг вспомнила. Этот жест... Мать так же расправляла морщинку на безукоризненном белом шелковом платье на вечере в саду дворца... Сирина зажмурилась, пытаясь отогнать воспоминание. Но это не помогло...

Расправив хрупкие плечи, Сирина быстро прошла по платформе и грациозно впорхнула в вагон, словно вскочила в седло породистого скакуна, собираясь умчаться в темноту ночи. Каждое ее движение излучало необыкновенную грацию. Со стороны казалось, что она важная персона. Впрочем, Сирина и была ею.

— Простите, — вновь мягко прошептала она, пробираясь к своему месту. Усевшись, она тихо вздохнула и откинула голову назад, но на этот раз глаза ее остались открытыми. Сирина страшно устала, но спать ей не хотелось. Разве могла она уснуть теперь, когда осталось всего несколько часов до конца? Еще несколько часов... всего несколько часов... несколько часов. Поезд набирал ход, вновь подхватывая ее мысли перестуком колес. Сирина вглядывалась в ночную темноту, ощущая всем сердцем, всей душой, каждой частицей своего тела, что она вернулась домой. Уже одно только звучание родной итальянской речи доставляло ей радость.

За окном проплывал знакомый пейзаж, такой успокоительный, такой родной после нескольких лет, проведенных с монахинями в монастыре штата Нью-Йорк. Поездка туда четыре года назад тоже казалась бесконечным путешествием. Сначала вместе с бабушкой и Флавио, одним из немногих оставшихся слуг, они пробирались через границу в Тичино. В Швейцарии их встретили две вооруженные женщины и две монахини. Именно там Сирина рассталась со своей бабушкой, крепко прильнув к ней в последний раз, заливаясь слезами и умоляя не оставлять ее. Она уже и так многого лишилась двумя годами раньше в Риме, когда... Сирина не могла думать об этом, стоя в холодном воздухе итальянских Альп, в последний раз чувствуя объятия бабушки...

— Отправишься с ними, Сирина... Там ты будешь в безопасности.

Они все решили еще за месяц до этого. Впереди ее ждала Америка. Такая чужая и такая далекая.

— Когда все закончится, ты вернешься домой.

«Когда все закончится... Но когда же все это закончится?» Там, на границе Италии и Швейцарии, Сирина чувствовала, что уезжает на всю жизнь... Нет! На десять жизней... В свои четырнадцать она уже пережила два года войны, лишений и всеобщего страха. Взрослые жили в постоянном страхе перед Муссолини. Дети сначала делали вид, будто это их мало волнует. Но очень скоро ход событий заставил волноваться всех. Рано или поздно страх начинал душить человека.

Сирина никогда не забудет, как ее отца тащили солдаты Муссолини... Как он старался не кричать, держаться мужественно, напрасно пытаясь взглядом защитить свою жену. А затем жуткие звуки, когда солдаты издевались над отцом у дворца. Убили его на следующий день... Расстреляли вместе с полудюжиной других у стен дворца Венеции, где располагалась штаб-квартира Муссолини. Мать Сирины, принцесса ди Сан-Тибальдо, ползала на коленях, умоляя солдат о пощаде, а люди в мундирах насмехались и издевались над ней. Один, схватив мать за волосы, грубо поцеловал ее, затем сплюнул и швырнул на землю. Через несколько мгновений все кончилось. Отец Сирины бессильно повис на столбе, к которому его привязали. Бросившись к нему, мать успела в последний раз сжать его в объятиях, прежде чем, словно ради развлечения, расстреляли и ее. И из-за чего все это? Из-за того, что они были аристократами... Из-за того, что ее отец ненавидел Муссолини.

Италия в то время была отравлена фашизмом, ядом особого свойства. Ядом, замешанным на ненависти, паранойе, алчности и страхе. Ужас заставлял брата идти против брата, мужа против жены, общество болело какой-то чудовищной страстью, суть которой Сирина никак не могла понять. Ее отец считал Муссолини преступником и открыто говорил об этом. Однако его брат был другого мнения... С началом войны Серджио ди Сан-Тибальдо стал ручной собачонкой Муссолини. Это Серджио выдал своего брата, обвинив его в связях с союзниками. Предательство Серджио объяснялось тем, что, сумеет он избавиться от Умберто, он становился обладателем

очень многого. Как младший сын, Серджио почти ничего не унаследовал от отца, ему досталась лишь небольшая ферма в Умбрии, которую Серджио ненавидел с детства. К тому же он был не вправе даже продать ее. Он мог пожизненно пользоваться ею и был обязан оставить ее в наследство своим детям, а если их не будет, то детям Умберто. Старший же брат унаследовал все: титул, деньги, привлекательную внешность, дворец, в котором жила семья на протяжении семи поколений, коллекцию картин, положение в обществе, обаяние и Грациеллу, что, разумеется, стало той последней искрой, от которой в душе Серджио вспыхнуло пламя ненависти к старшему брату.

Он больше всего ненавидел Умберто за то, что тот обладал Грациеллой — красавицей с удивительными зелеными глазами и золотистыми волосами. Она была необыкновенной, и Серджио любил ее с самого детства. Он любил ее всегда — когда они вместе проводили летние месяцы в Умбрии, в Сан-Ремо или в Рапалло. Тогда Грациелла была еще маленькой девочкой. Однако она всегда любила Умберто. Все любили Умберто... абсолютно все... но особенно Грациелла.

Во время заупокойной мессы в соборе Санта-Марии Серджио, всхлипывая, спрашивал себя, почему все так произошло. Почему Грациелла вышла замуж за Умберто? Почему она бросилась к нему, когда его расстреляли? Никто из присутствующих на похоронах не знал, какую роль сыграл Серджио в смерти своего брата и его супруги. Друзья всегда считали его слабовольным человеком. И никто из них не знал правды. Никто, кроме бабушки Сирины. Это она использовала все свои связи, чтобы узнать правду. Только у нее хватило смелости выразить всю свою ненависть Серджио так, что, когда боль чуть притупилась, Серджио, как никогда прежде, глубоко ощутил весь кошмар совершенного им. И ради чего? Ради беломраморного дворца? Ради любви женщины, умершей у ног своего мужа и никогда не любившей никого, кроме него?

— Ради чего ты все это сделал? — требовала ответа плачущая мать. — Из любви к Муссолини? К этому подонку, Серджио? К этому мерзавцу? Ты убил моего первенца ради него?

Серджио дрожал, видя гнев матери. Он понял, что остаток своей жизни придется прожить с этой ужасающей правдой. Стоя перед матерью, он все отрицал: отрицал, что предал Умберто, отрицал, что вообще делал что-либо. Но она знала правду, и Сирина тоже. Ее блестящие зеленые глаза гневно смотрели на него во время похоронной церемонии... Не в силах бороться с режимом Муссолини и не желая предавать гласности гнусность предательства, совершенного ее младшим сыном, старая принцесса ди Сан-Тибальдо увезла Сирину и старых слуг из Рима. Теперь дворец принадлежал Серджио — так сказала она, стоя в последний раз в холле, отделанном черным и белым мрамором. Ей хотелось навсегда забыть о своем втором сыне и об этом дворце. Отныне он ей не сын! В последний раз принцесса ди Сан-Тибальдо взглянула на Серджио, и слезы наполнили ее мудрые глаза. Она медленно покачала головой и вышла.

Ни она, ни Сирина никогда больше не видели ни Серджио, ни этого дворца, ни Рима. Сирине было четырнадцать лет, когда она в последний раз вышла из искусно инкрустированных бронзовых дверей дворца на виа Юлия, и тем не менее, когда она приехала в Альпы через четыре года, ей казалось, что она покинула Рим только вчера. Прошедшие четыре года были очень трудными: все это время она пыталась заглушить в своей памяти звуки ударов, которыми солдаты осыпали отца, отчаянный взгляд матери, когда на следующий день она бросилась из дома, едва причесавшись, с широко раскрытыми от ужаса глазами, в наброшенном на плечи красном пальто; вид тел родителей, брошенных солдатами около ворот, распластанных на мраморных ступенях, и кровь, медленно капавшая на траву... собственные крики, когда она увидела их, лежащих там... Мертвые родители стояли перед глазами даже тогда, когда она прощалась с бабушкой, отправляясь в безопасное место. Но где теперь безопасно? Опасно везде... Нигде не будет отныне безопасно. На всем белом свете у нее осталась одна бабушка.

— Я буду писать тебе, Сирина. Обещаю. Каждый день. Когда в Италии вновь станет спокойно, ты вернешься сюда и будешь жить со мной. Обещаю тебе, дорогая. Обещаю...

Несмотря на огромную силу воли, произнося последние слова, старая принцесса всхлипнула и крепко прижала к себе Сирину, последнюю частицу плоти и крови, эту последнюю нить, соединяющую ее с любимым первенцем. Теперь, когда Сирина уедет, у нее не останется никого. Но выбора не было. Слишком опасно оставлять здесь ребенка. Трижды за последние два месяца солдаты приставали к Сирине на площади Сан-Марко. Даже в простой, невзрачной одежде девочка выглядела слишком красивой, слишком рослой и чересчур женственной для своих четырнадцати лет. Однажды солдат преследовал Сирину от школы до самого дома и уже у дверей, грубо схватив за руки, прижал к стене и поцеловал, прильнув к ней всем телом. Кто-то из прислуги видел это. Видел перепуганную Сирину, которая молчала, боясь, что на этот раз заберут ее или бабушку. Она боялась солдатских лиц, их смеха, их взглядов. Старая принцесса знала, что опасность подстерегает девочку каждый день. Не было силы, способной сдержать солдат, не было способа защитить Сирину от сумасшествия, с каждым днем становящегося все более и более диким. Каждую минуту могло произойти новое несчастье, и Алисия ди Сан-Тибальдо решила спасти внучку. Когда епископ предложил ей вывезти девочку из Италии, принцесса не задумываясь согласилась. В тот же день после обеда она спокойно рассказала Сирине о своем плане. Девочка расплакалась, умоляя не отправлять ее так далеко. Ведь можно уехать на ферму в Умбрию, спрятаться там, можно отрезать волосы, носить ужасные платья, работать в поле... Делать все, что угодно, только бы не расставаться с бабушкой... Но мольбы Сирины остались безответными. Позволить ей остаться в Италии означало подвергать ее каждодневному риску. В любой момент ее могут убить, обидеть, изнасиловать. Единственное, что могла сделать бабушка ради спасения Сирины, — это увезти ее подальше из Италии до окон-

чания войны. И сейчас, у границы с Швейцарией, они обе отлично понимали, что расстаются надолго.

— Ты скоро вернешься, Сирина. Я буду ждать, моя дорогая. Что бы ни случилось.

Глядя на слезы, струившиеся по щекам внучки, сжимая ее хрупкие плечи, Алисия ди Сан-Тибальдо молила Бога, чтобы все именно так и было.

— Ты мне обещаешь? Обещаешь? — глотая слезы, с трудом произнесла Сирина.

Бабушка молча кивнула, в последний раз поцеловала девочку, затем подала знак женщинам и величаво отошла назад. Монашки взяли Сирину под руки и увели. Той ночью ей пришлось пройти несколько миль до монашеской обители. На следующий день вместе с группой других детей ее отвезли на автобусе за сотню миль к другим монахиням. Оттуда, уже с другой группой детей, Сирина перебралась в Лондон, откуда ей предстояло выехать в Соединенные Штаты. Предстоял долгий и трудный путь — бомбардировки не прекращались ни в Лондоне, ни на море. Путь, избранный Алисией, был опасным, но давал шанс на спасение. Остаться в Италии означало так или иначе подвергаться огромной опасности. К тому же после содеянного Серджио принцесса чувствовала себя виноватой перед Умберто и Грациеллой. Она никому не рассказывала об этом... Никому, кроме Сирины... Еле различимая фигура внучки, облаченная в темно-коричневое одеяние, остановилась перед поворотом, Сирина в последний раз помахала бабушке рукой и исчезла из виду.

Для Сирины путешествие оказалось долгим и утомительным. Пять суток она провела в лондонском бомбоубежище, потом они выехали за город и на грузовом судне покинули Дувр. Плавание через Атлантику прошло безрадостно. На протяжении всего пути Сирина почти не разговаривала — английского она не знала, а говорить на французском с монахинями не хотелось. Потеря родителей, дяди, бабушки, дома и, наконец, родины отняла у несчастной все силы. Ничего не осталось... Одинокая девочка-подросток стояла на палу-